

В. С. ЧУРАКОВ (Ижевск)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЙ УДМУРТСКИХ РОДОВ

Abstract. A hypothesis according to which the names of the Udmurt "matriarchal" (sic!) clans (*воршуд*) go back to the names of their totems is based on incorrect interpretation of the ethnographic sources. One of the main mistakes of so-called *voršud theory* is the replacement the term *выжы* 'clan' by the term *воршуд*. Actually the *воршуд* or *шудвордьсь* is a sacred patron of the patrilineal clan *выжы*. Consequently, the term *voršud name* can not be used in meaning 'clan name'. The members of the *выжы* thought themselves as descended from a common male ancestor whose name was used by them as a clan nickname. In other words, the author of present article regards that the names of the old Udmurt clans were formed in accordance with the following anthroponimic model: the name of male ancestor + the old Permic suffix of collective plural *-a*, which had the same function as, for example, the German *-ing/-ung* (like in *Karoling*) or the Slav *-ичи/-овичи* (like in *Рюриковичи*). Instances: *Бия* < *Бий* 'Prince' + *-a*, *Дурга* < *Дурэг* 'Smith' + *-a*, *Юбера* < *Юбер* 'Starling' + *-a*, *Шудья* < *Шудэй* 'Happy' + *-a*, etc.

Автор настоящей статьи с сожалением вынужден констатировать, что за более чем 120-летний период, в течение которого родовая система удмуртского традиционного общества находится в поле зрения исследователей, учеными не было предложено убедительного решения интересующей нас проблемы, а именно — не выявлена лингвистическая модель, в соответствии с которой образованы названия удмуртских родов. Разделяемая в настоящее время многими исследователями и признаваемая «перспективной» (Владыкин 1994 : 274) гипотеза М. Г. Атаманова, связывающая происхождение названий большинства удмуртских родов непосредственно с тотемическими верованиями предков удмуртов, живших в эпоху «матриархата» (sic!) (см. Атаманов 1977; 1980 и др.), при ближайшем критическом рассмотрении оказывается основанной на целом ряде ошибочных суждений некоторых авторов последней четверти XIX — середины XX в., не сумевших дать верную интерпретацию накопленному этнографическому материалу и в значительной степени осложнивших решение самой проблемы невольно созданной ими путаницей в употреблении удмуртских терминов *выжы* и *воршуд*.

Последствия этой терминологической неразберихи ощущаются до сих пор, и выражаются прежде всего в употреблении сторонниками

воршудной теории¹ понятия *воршуд* в значении 'материнский род'. В действительности же, словом *воршуд* обозначался дух предка-покровителя патрилинейного рода *выжы*. В самом названии духа предка-покровителя (*воршуд* < *vordemšud 'пестованное счастье') отразилась забота об умершем предке, дух которого, по представлениям некрещеных удмуртов, покровительствовал потомкам (отсюда и его второе название *шудвордсь*, которое можно перевести как 'одаривающий счастьем' (букв. 'рождающий счастье') (Чураков 2001 : 121—140; 2003 : 7)). Смешение двух различных терминов, а также отход от взгляда на удмуртский род как на цепь сменяющих друг друга поколений, происходящих от одного мужского предка, на наш взгляд, являются основными причинами безуспешности многочисленных попыток решения проблемы происхождения удмуртских родовых названий. В предлагаемой статье автор постарается подробно осветить историю изучения указанной проблемы, после чего изложит свое видение ее решения.

Еще в 1733 г. Г. Ф. Миллер, проезжая во главе сухопутного отряда Великой Северной экспедиции по территории расселения удмуртов, обратил внимание на следующий факт: «Они (удмурты — В. Ч.) к именам некоторых деревень прибавляют слово Пилга, а к другим не прибавляют, чему они ни причины показать, ни слова Пилга изъяснить не могут: но только объявляют, что оные места их предками так прозваны» (Миллер 1756 : 39). Безусловно, сейчас вполне очевидно, что Г. Ф. Миллер обратил внимание на отражение в топонимии названия одного из удмуртских родов, однако поскольку сама проблема удмуртской родовой системы и тесно связанный с нею вопрос о происхождении родовых имен еще не были сформулированы, привлечение ученого явление вошло в его работу лишь в качестве «примечания». Целенаправленные исследования по затронутой нами теме развернулись с 70-х годов XIX столетия, но сразу же, по причине пристального внимания этнографов к особенностям удмуртских народных верований, приняли весьма своеобразный характер: родовую систему удмуртов стали изучать не напрямую, чему к тому же препятствовало отсутствие ранних исторических источников, а опосредованно, через наиболее очевидные ее проявления в виде родовых культов.

Исследователи заметили, что разные группы удмуртов при обращении к «божеству» *воршуд* упоминают различные имена. Например, зачин обращения-*куриськон* мог начинаться «*Бигра воршудэ*», «*Чабъя воршудэ*» и т. д. Справедливо видя в воршуде духа-покровителя тех лиц, которые ему поклоняются, некоторые исследователи совершенно ошибочно сочли, что слово перед термином *воршуд* является личным именем духа-покровителя, которое переносится и на почитающих его людей (Гаврилов 1880 : 160—161; Богаевский 1888 : 39—40; 1890 : 116—117).² Иными словами, названия удмуртских родов *выжы* рассматривались в качестве п р о и з в о д н ы х от личных имен их воршу-

¹ Этим условным термином мы обозначаем систему взглядов по проблеме удмуртской родовой организации, которая в наиболее полном виде представлена в работах М. Г. Атаманова, а также В. Е. Владыкина.

² Впрочем, П. М. Богаевский так и не смог до конца определиться в вопросе, что чему предшествовало — название божества названию почитающего его рода или название рода переносилось на почитаемое его членами божество (1888 : 40). На это противоречие обратил внимание еще И. Н. Смирнов (1890 : 139).

дов, чем и объясняется появление в литературе понятия *воршудное имя*. При этом Б. П. Гаврилов, отмечая, что значение названий воршудов «неизвестно», тем не менее высказал следующую мысль: «Можно полагать, что они (воршуды — В. Ч.) получили свои имена от счастливых по понятию вотяков женщин». Насколько адекватно автором отражено «понятие» удмуртов, можно судить по его следующим словам: «Ныне у вотяков трудно добиться какого-нибудь самостоятельного мнения или понятия о воршудах» (Гаврилов 1880 : 161). Со своей стороны отметим, что причиной, побудившей Б. П. Гаврилова и ряд других исследователей говорить о воршудных именах как о женских, стала широко распространенная у многих народов традиция именования замужней женщины по ее родовому имени, что объясняется стремлением выделить жену-чужеродку из числа кровных родственников ее мужа.

Совершая в 1881 г. поездку по южной окраине Вятской губернии, населенной преимущественно удмуртами, Г. Н. Потанин, как в свое время и Г. Ф. Миллер, обратил внимание на странные, по его мнению, «как будто заимствованные из чужого языка» имена, встречающиеся в составных названиях удмуртских деревень и урочищ. Исследователем было отмечено, что своими окончаниями они «похожи на имена некоторых воршудов, приводимых г. Гавриловым». «На это — иногда совершенно полное сходство названий урочищ с именами воршудов можно смотреть отчасти как на помеху предположению, что эти странные имена чужды вотскому языку; они могут быть архаическими вотскими формами, сохранившимися вследствие своего важного значения без изменения, тогда как другие формы постоянно изменялись» (Потанин 1884 : 190—191). Этим выводом Г. Н. Потанин как бы признавал ошибочность предложенных им самим, явно надуманных, сопоставлений «странных имен» с созвучными словами мордовских, татарского и «варяжского» языков.

Исключительно историографический интерес представляет суждение о происхождении разных имен воршудного божества, высказанное в частной беседе о. Иоанном Утробиним, который, видя в самом воршуде некий скрытый родовой талисман, полагал, что его названия у разных групп удмуртов связаны с местами, в которых тот ими укрывался. Впрочем, как пишет Н. Г. Первухин, о. Утробин «не мог указать (даже и примерно) значение ни одного из воршудных имен» (1888 : 51).

Ничем не обоснованное предположение Б. П. Гаврилова о женском характере т. н. воршудных имен получило широкое распространение. В этой связи особый интерес представляют «Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда» Н. Г. Первухина, где эта гипотеза получает дальнейшее развитие. Вместе с тем необходимо особо обратить внимание читателя на изменение содержания термина *воршудное имя* автором «Эскизов». По представлению Н. Г. Первухина, ««Воршуд» значит родовое божество (Лар древних римлян), у каждого рода носящее родовое название чрез прибавление к общему понятию «Воршуд» имени родоначальника, или (едва ли не скорее) родоначальницы» (1888 : 18—19). Далее автором утверждалось наличие у удмуртов родов, состоящих исключительно из женщин, происходящих от одной

родоначальницы, причем обозначались якобы эти роды также словом *воршуд* (1888 : 37). Таким образом очевидно, что употребляя термин *водшудное имя*, Н. Г. Первухин вкладывал в него отличный, нежели, к примеру Б. П. Гаврилов, смысл, а именно — это название рода, состоящего исключительно из лиц женского пола, происходящих от одной родоначальницы, имя которой и выступает в качестве родового (ср. «Значение слова «Воршуд» есть — род, поколение, — относящееся исключительно к лицам женского пола. Это — фамилия матери, переходящая через дочку ко внучке и таким образом сохраняемая в потомстве» (1888 : 37)). Адекватную оценку приведенным построениям Н. Г. Первухина, которые до сих пор пользуются поддержкой ряда авторов, еще в конце XIX в. дал в своей, к сожалению, не увидевшей свет работе вятский краевед П. М. Сорокин. Назвав рассуждения Н. Г. Первухина «непоследовательными и путанными», он высказал сожаление, что ради «предвзятой идеи» был «неправильно истолкован собранный богатый материал» (Сорокин, л. 4об, 6).

Значительные усилия для постижения «тайны» удмуртских родовых названий приложил И. Н. Смирнов. Он первым подметил двусмысленность употребления исследователями понятия *воршудное имя*. «Иногда говорят о воршудном имени, как о родовом прозвище, — писал он, — иногда говорят об «имени воршудного божества», которое передается поклоняющемуся ему роду» (Смирнов 1890 : 138). Позиция самого исследователя однозначно выражена в следующих словах: «Воршудное имя представляется прозвищем рода, переносимым и на его покровителя, гения-хранителя счастья» (1890 : 139—140). В принципе избрав верный подход, более того, отмечая, что в пермских языках «люди, связанные кровным родством, обозначались терминами «корень» (*vyž'i, vuž*)» (1890 : 25), И. Н. Смирнов тем не менее продолжил традицию употребления термина *воршудное имя* в значении 'название рода'. Относительно же происхождения названий родовых имен им было высказано три гипотезы: 1) одна группа родовых имен образована от личных имен родоначальниц, в чем автор видит «обломок древнего матернитета» (1890 : 138) (в основе этой гипотезы лежали выводы главным образом Н. Г. Первухина, а также результаты неудачного анализа удмуртских терминов родства, проведенного самим И. Н. Смирновым); 2) вторая группа родовых имен образована от личных имен родоначальников (1890 : 38); 3) «... по крайней мере, часть родовых имен произошла от названий рек, на которых поселялись роды» (Смирнов 1890 : 38—39). Пытаясь выяснить, какие же антропонимы лежат в основе родовых названий, И. Н. Смирнов, используя метод формального звукового соответствия, пришел к выводу, что подавляющее большинство удмуртских родовых имен «необъяснимы из вотского языка и должны быть отнесены к категории заимствованных и вероятнее всего у чуди» (1890 : 39). В число «чудских» имен И. Н. Смирнов включил те, которые, по его мнению, имели окончания *-си, -чи, -зи*. Однако следует сразу же заметить, что указанные «окончания», выделенные на основании «анализа местных названий», присущи русифицированным формам удмуртских топонимов (напр. удм. *Какся* > рус. *Какси*, удм. *Ятча* > рус. *Ятчи*, удм. *Шуджа* > рус. *Шудзи* и т. д.) и, таким образом, не представляют какой-либо

пользы в деле решения проблемы происхождения названий удмуртских родов. Столь же беспочвенны утверждения исследователя о «речных» корнях некоторых родовых имен.

Оригинальной, но весьма далекой от действительности была и версия происхождения интересующих нас названий, предложенная Н. Н. Блиновым. Автор, не видя в воршуде ни родового духа-покровителя, ни собственно рода, обозначаемого им термином *выжы*, и используя при реконструкции религиозных представлений удм. диал. *вужшуд*³, которое, по его мнению, выражает некое представление о «старых добрых временах», возвращения которых удмурты спрашивают у Инмара, тем не менее употребляет в своей работе термин *воршудное имя* в значении 'название рода', не забывая, впрочем, отметить, что это делается вследствие сложившейся в этнографической литературе традиции (Блинов 1898 : 14). Собственно же географическая распространенность одних и тех же родовых имен, по мнению Н. Н. Блинова, возникла в результате образования новых починков и выселков, жители которых, в целях сохранения счастья (*вужшуд*), которым располагали их предки, старались отразить в названиях новых селений имя старого. Как полагал Н. Н. Блинов, часть названий изначальных селений могла образоваться путем прибавления к словам, характеризующим местность, или именам собственным основателей селений, форманта *-га*, связанного якобы с удм. *гу 'яма'*. Такое сопоставление объяснялось тем, что либо вокруг селений было много ям и оврагов, либо его основатель жил в «яме», т. е. землянке (Блинов 1898 : 42). Несмотря на малоубедительный характер всей вышеописанной схемы, эта версия была признана некоторыми авторами в качестве вполне приемлемой для объяснения родовых имен, оканчивающихся на *-га* (Худяков 1920 : 5; Бушмакин 1969 : 169).

К числу рассмотренных «окончаний» М. Г. Худяков в одной из своих ранних работ присовокупил еще два: *-я (-йа)* и *-ра*⁴. Если от выделения последнего, впрочем, он скоро отказался, поскольку пришел к заключению, что «звук *г* относится к первой составной части имени» (Худяков 1920 : 7), то первое попытался сопоставить с обнаруженным в словаре коми языка Г. С. Лыткина словом *йй*, которое кроме обычного значения 'мясо' якобы еще выражало понятия 'ветвь, потомство, племя' (в действительности у Г. С. Лыткина этого нет). Приведенные далее этимологии типа *Шудья* 'счастливое племя', *Удья* 'вотское племя', *Бодья* 'пастушеское (или луговое) племя' и т. п. (Худяков 1920 : 6) свидетельствуют, что исследователь не склонен был видеть в родовых названиях отражения имен или прозвищ родоначальников, как это делали, например, Н. Г. Первухин, И. Н. Смирнов, Н. Н. Блинов и др. Позиция автора — «первичным понятием является род, а затем уже название его было перенесено на возникшее позднее понятие женщины-родоначальницы и богини счастья» (Худяков 1920

³ Диал. *vužšud* букв. 'старое счастье', как и вариант *vožšud* букв. 'зеленое (молодое) счастье', возникли вследствие деэтимологизации исходной формы **vordemšud > voršud*. Таким образом, нельзя согласиться с выводом Н. Н. Блинова, что ««воршуд» есть испорченное составное слово «вуж-шуд»» (1898 : 15).

⁴ Неточность — в работе (Худяков 1917 : 37) он выделял 4 группы окончаний *-йа*, *-га*, *-си*, *-та*, позднее утверждал, что в этой работе им определены окончания *-йа*, *-га*, *-си*, *-ра* (Худяков 1920 : 7).

: 348)⁵ — в дальнейшем позволила ему с легкостью принять концепцию тотемического происхождения названий удмуртских родов.

Собственно первым исследователем, выдвинувшим тезис о тотемическом характере удмуртских родовых названий и употребившим термин *воршуд* в значении 'род' как «коммунистическая ячейка» первобытного общества, стал удмуртский этнограф В. А. Максимов, автор компилятивного сочинения «Вотяки». «Среди названий воршудов, перечисленных Первухиным, — писал он, — мы видим «юсь», что означает по русской терминологии — лебедь. В отношении остальных названий о их значении сейчас судить очень трудно. Возможно в будущем установить удастся и это, сравнением аналогичных слов родственных вотскому, языков пермятского и зырянского. Но одно название «юсь» (лебедь) дает нам уже некоторую возможность судить о тотеме (покровителе) лебеде» (Максимов 1925 : 80—81). Поверхностность данного суждения очевидна, и именно от этого в свое время предостерегал однофамилец В. А. Максимова — русский этнограф А. Н. Максимов, проанализировавший характер употребления термина «тотемизм» в научной литературе и пришедший к выводу, что он превратился в «убежище, к которому можно без дальнейших околичностей обратиться» (Максимов 1997 : 471). В статье «Тотемизм», подготовленной для энциклопедического словаря «Гранат», А. Н. Максимов в частности писал, что у подавляющего большинства народов Сибири «столь же мало оснований считать тотемическими роды, называющиеся по животным, как и наши фамилии «Барановы», «Волковы», «Медведевы», «Петуховы» и т. п.» (Максимов 1997 : 107).

Однако это принципиальное замечание осталось незамеченным: поиск тотемов в названиях родовых имен удмуртов продолжили М. Г. Худяков и Д. К. Зеленин. При этом первый, в отличие от В. А. Максимова употребляя в отношении удмуртских родов термин *выжы* (Худяков II, л. 1), окончательно отошел от восприятия их как социального института, в основе которого лежит генеалогический принцип, и, увлекшись идеями Н. Я. Марра о «тотемической» стадии развития языков, попытался решить проблему названий удмуртских родов, что вылилось в характерную для яфетидологии спекуляцию на тему «четырех элементов» (Худяков I, лл. 1—5об.). Для Д. К. Зеленина термин *воршуд* помимо обозначения «одного из дохристианских демонов» и лубяного короба, хранившегося в куале, имел значение еще и «родового имени» (sic!), которое было связано, по мнению исследователя, с основным «растительным тотемом материнского рода» и «элементами животных тотемов». Умозрительные рассуждения автора об эволюции значений термина *воршуд* иллюстрировались примерами, описывающими использование тех или иных видов растений при религиозных обрядах, и фонетическими соответствиями, носящими преимущественно характер омонимии отдельных

⁵ Данная формулировка М. Г. Худякова выявляет сложное переплетение его собственных представлений с выводами Б. П. Гаврилова и Н. Г. Первухина. И хотя ученый занимает в споре сторону приверженцев приоритета родового названия, он, как видно, исключает возможность связи названий родов с именами родоначальников.

родовых имен с некоторыми названиями животных в удмуртском языке (Зеленин 1980).

Сходный подход к решению проблемы во многом свойствен авторам конца 60-х годов XX в. — Г. А. Архипову и С. К. Бушмакину, которые употребляют термин *воршуд* в значении 'материнский род' (Архипов 1969; Бушмакин 1969; 1970). Первый, не считая возможным видеть в выделенных предшественниками «окончаниях» родовых (воршудных, по его терминологии) имен самостоятельные слова, высказал предположение, что все они являются вариантами суффикса обладания, который «почему-то выступает то в форме *-а*, то *-я*, то *-га (-ка)*, и очень редко в форме *-ес*» (Архипов 1969 : 242).

С середины 70-х годов проблемой происхождения названий удмуртских родов стал заниматься М. Г. Атаманов. Одни из первых результатов своих изысканий он опубликовал на страницах журнала «Советское финно-угроведение» (Атаманов 1977), где впервые появляется столь активно употребляемый сейчас термин *воршудно-родовое имя*, которому в удмуртском тексте предшествовал конструкт *выжы-воршуд ним* (Атаманов 1974 : 45). В более развернутом виде концепция автора была отражена в кандидатской работе «Этнонимы удмуртов в топонимии» (Атаманов 1978) и последующих публикациях, в числе которых и его последняя обобщающая работа «По следам удмуртских воршудов» (Атаманов 2001). Нет необходимости разбирать все оплошности в представлениях автора по проблеме удмуртской родовой организации, оказавших существенное влияние на ход его рассуждений, — это сделано в специальном исследовании (Чураков 2003); остановимся только на лингвистической составляющей его концепции. Фактически подход М. Г. Атаманова является логическим завершением использования метода выделения «окончаний» в структуре удмуртских родовых имен: более 70 родовых названий по своим «окончаниям» были разделены на 9 групп (10-ю группу составили «составные микроэтнонимы») (Атаманов 1978 : 10). Другими словами, все варианты «окончаний» или, что более правильно, все варианты конечных слогов были бесосновательно объявлены «архаическими суффиксами зоонимов, восходящими к уральской или финно-угорской языковой общности», которые присоединяются к названиям «птиц, зверей, насекомых и рыб — предполагаемых тотемов рода» (Атаманов 1978 : 2—3). При этом автора не смущает, что в ряде случаев применение его методики ведет к искажению морфологической структуры этимологизируемого названия, не говоря уже о том, что в основу подавляющего большинства предложенных им этимологий положен принцип формального соответствия «очищенного» от форманта родового имени тому или иному апеллятиву какого-либо уральского, включая «чудский», языка.

Между тем, верное представление о сущности удмуртских родовых названий впервые было сформулировано еще в 80-е годы XIX в. Г. Е. Верещагиным, который справедливо полагал, что члены рода ведут свое начало «от какого-нибудь древнего родоначальника», имя или прозвище которого выступает в качестве обозначения его потомков. Как пример он приводит предание удмуртских крестьян ряда деревень Сосновской волости Сарапульского уезда, согласно которо-

му род *Пупъя* ведет свое начало от некоего Ожмега, прозванного *Пуппы* < удм. *пуппы* 'лутошка' (Верещагин 1995 : 107–108; 1996 : 82). Поскольку исследователь специально не занимался происхождением названий удмуртских родов, он оставил без объяснения переход *Пуппы* в *Пупъя*. Это попытался сделать И. В. Васильев, который высказал предположение, что данное родовое имя образовано путем прибавления к прозвищу удмуртского аффикса соответственного падежа *-йа* (орф. *-я*). Таким образом, получалось, что члены рода жили как бы соответственно их предку *Пуппы*, по его обычаям (Васильев 1917 : 73).

Ближе всех к верному решению проблемы подошел уже упомянутый П. М. Сорокин, и приходится только сожалеть, что подготовленная к публикации работа «О материнстве как основе рода, о родовых названиях и знаках собственности у вотяков», в которой дается взвешенная и объективная критика сторонников удмуртского «матернитета», так и не увидела свет. Вдвойне прискорбно, что эта работа, знакомая удмуртским исследователям, не оказала какого-либо влияния на их отношение к т. н. пережиткам матриархата, несмотря на то что их подробный анализ дал повод П. М. Сорокину категорически заключить: «под теорией «матернитета» нет почвы» (л. 6). По традиции употребляя термин *воршудное имя* в значении 'название рода', П. М. Сорокин отмечал: «Воршудное имя есть имя родоначальника или родоначальницы, заслуживших особый почет и поэтому давших повод к прославлению себя в своем прямом потомстве [---] воршудное имя не есть непременно имя, а может быть и прозвищем родоначальника» (Сорокин, л. 8). О структуре удмуртских родовых названий: «При обзоре приведенных названий бросается в глаза общее у большинства окончание *a* или *я*, составляющее какой-то особый суффикс [---] Предоставляю знатокам финских наречий судить о моей догадке, но я считаю эти звуки *a* и *я* несомненно суффиксами 1) притяжательного значения и 2) значения богатства, изобилия какого-нибудь свойства» (Сорокин, л. 8об., 9). Дав несколько вполне приемлемых этимологий, П. М. Сорокин писал: «Я не теряю надежды, что филолог с сведениями в языках сумеет дать смысл и объяснить из вотского языка и все остальные воршудные имена» (л. 9об). Надежда исследователя не оправдалась: лингвисты, которым оставалось уточнить, что за суффикс, на который впервые обратил внимание еще М. Бух (Buch 1882 : 136), скрывается под «загадочным» общим «окончанием», предпочли проигнорировать наблюдения П. М. Сорокина.

Переходя к изложению своих взглядов, еще раз напомним, что удмуртский род *выжы* представляет собой по вертикали ряд сменяющихся поколений, происходящих по мужской линии от вполне конкретного, чем-то памятного человека, имя которого служит общим наименованием всех его потомков. Соответственно по горизонтали удмуртский род предстает в лице всех одновременно живущих людей, признающих себя потомками одного человека, и чем дальше по времени находится конкретный горизонтальный срез от той эпохи, в которую жил основатель рода, тем менее тесными узами связаны его члены. Как правило, быстрее всего, буквально в первых нисходящих поколениях, утрачиваются экономические связи и общность поселения, что на практике выражается в разделе старого дворохозяйства. На-

против, дольше всего сохраняется идеологическое единство, обусловленное поклонением предку-родоначальнику, дух которого по представлениям его потомков может оказывать влияние на их судьбу. Естественное разрастание рода ведет к его сегментации и образованию новых ветвей рода, получающих название по своим основателям и т. д. Так складывается целая иерархия родов, причем человек, находящийся в основании подобного «генеалогического древа» и уже даже неосознаваемый в качестве реального человека, безусловно, был членом какого-то рода, имя которого стерлось из памяти далеких потомков.

Лингвистическим средством выражения принадлежности человека к тому или иному роду служило родовое имя, в основе которого лежал эпоним, т. е. имя или прозвище основателя рода. В современном удмуртском языке существует несколько способов образования названий родов: 1) путем прибавления к имени предка слова *выжы* 'род' (*Гондыр выжы*, *Алексей выжы*), 2) прибавлением к имени предка слова *пи* 'сын, потомок' (*Быдыпи*, *Андрейпи*), 3) прибавлением к имени предка или к имени рода, образованного в соответствии со вторым примером, показателя множественного числа *-ос* (*-ёс*) (*Гондырьёс*, *Быдыпиос*). Следует упомянуть еще один вариант, ныне уже не употребляющийся. Удмуртский показатель множественного числа, который, как в последнем примере, используется в образовании родовых имен, не имеет параллелей в других уральских языках, и относится вместе с коми *-яс* к числу относительно молодых, возникших не ранее общепермской эпохи (Серебренников 1963 : 85). Однако в общепермском языке существовало еще не менее трех древних окончаний множественного числа, одно из которых *-а* до сих пор употребляется в коми-пермяцком языке в качестве показателя собирательного множественного числа (Серебренников 1963 : 89).

Нам представляется, что и в группе ранних удмуртских родовых имен нашел отражение этот суффикс⁶, который в функциональном плане соответствует, к примеру, германским родовым суффиксам *-ing*, *-ung* и славянским *-ичи*, *-овичи*. В пользу данного предположения свидетельствуют такие родовые имена, как *Юбер-а*, *Удэг-а*, а также отмеченные формы *Бигер-а*, *Посек-а* (Первухин 1888 : 39), где *Юбер*, *Удэг*, *Бигер*, *Посэг* — это мужские антропонимы. Присоединяясь к эпониму, оканчивающемуся на гласный, суффикс собирательного множественного числа провоцировал появление вставочного *-j-* (ГСУЯ 45—46), после чего оказавшийся в слабой позиции гласный производной основы выпадал (в случаях, когда в ауслaute антропонима находился *-i*, он мог непосредственно перед суффиксом *-а* перейти в *-j*, подобно тому, как это происходит в сходных условиях в коми языке (Серебренников 1963 : 90)). Если показатель собирательного множественного числа прибавлялся к мужскому антропониму на согласный, то предшествовавший ему гласный, оказавшийся в слабой позиции, также в большинстве случаев выпадал, а следующий согласный испытывал действие закона регрессивной ассимиляции (ГСУЯ 34—35, 37—38). В

⁶ Судя по преданию, записанному Г. Е. Верещагиным, основатель рода *Пупъя* был современником Бектемира, который жил на рубеже XVI—XVII в. (МП 1615 : 189). Отсюда можно сделать вывод, что суффикс собирательного множественного числа *-а* употреблялся в названиях родов еще в XVII в.

этой связи хотелось бы отметить догадку А. С. Кривошековой-Гантман о возможной связи мужских имен, образованных при помощи суффикса *-эг (-ог)*, с родовыми названиями, оканчивающимися на *-га* (1976 : 93). Однако ее предположение, что в парах типа *Пелег ~ Пельга, Пудэг ~ Пудга* и т. д. родовое имя является исходным для мужского антропонима, не позволило исследовательнице вскрыть действительные отношения, существующие между ними. Последующие фонетические изменения, как то изменение качества гласных, ассимиляция инлаутным согласным последующего *-j*, изменение начального *j*-, происходили в соответствии с нормами удмуртского языка. Таким образом, родовые имена не были застывшими формами, как это в свое время представлялось Г. Н. Потанину.

Итак, проблема удмуртских родовых названий теснейшим образом связана с выяснением имени родоначальника и выявлением его семантики, что в условиях отсутствия ранних письменных источников вызывает определенные трудности, поэтому отдельные предлагаемые автором этимологии (прежде всего относящиеся к мужским антропонимам) могут вызвать справедливую критику специалистов-лингвистов.⁷ Однако, как нам кажется, предложенный подход к анализу удмуртских родовых имен в целом вряд ли вызовет существенные нарекания и поможет в дальнейшем выяснить происхождение других родовых имен, не вошедших в прилагаемый ниже перечень.

Наконец, после выяснения лингвистической модели, лежащей в основе старых удмуртских родовых имен, становится очевидным, что зачин обращения-*куриськон*, например, *Бигра воршудэ...*, первоначально означал 'дух родоначальника рода *Бигра*' и, таким образом, термин *воршудное имя* не имеет права на существование не только в значении 'название рода', но и в значении 'название воршудного божества'.

В заключение поясним принцип организации большинства словарных статей. В заголовок вынесено удмуртское родовое имя в современном наиболее распространенном фонетическом оформлении. Если имеющиеся письменные источники позволяют восстановить его более раннюю форму, она приводится следом в круглых скобках. Далее указывается мужской антропоним, который мог послужить эпонимом для соответствующего рода (если роль эпонима рода в принципе могли сыграть несколько имен, они как варианты приводятся под римскими цифрами). В случаях, когда мужское имя, выступающее в качестве производного для названия рода, может иметь различные формы, последние специально выделяются (например, запись *Шуд-эй(-ь)* означает, что название рода *Шудья* в одинаковой степени могло возникнуть как от имени *Шудэй*, так и от имени *Шудь*, восходящих к апеллятиву *шуд* 'счастье'; запись *Кибь ~ Киб-эй* означает, что название рода *Кибья* могло образоваться как от мужского имени *Кибь*, оформление которого непосредственно совпадает с производной основой *кибь* 'жучок', так и от восходящего к этой же основе имени *Кибэй*). В скобках же приводится этимология антропонима (в необходимых случаях под арабскими цифрами указываются варианты). В конце словарной статьи, как правило, даются примеры употребления имени со ссылками на источники.

⁷ Об удмуртской антропонимии см. С. К. Бушмакин 1970а; Т. И. Тепляшина 1978.

АПЬЯ < м. а. *Апый* (< тюрк. м. а. *Апый*) + суф. -а, например у казанских татар отмечено имя *Апый*, являющееся аллофоном араб. м. а. *Абдурахман* 'раб Милостивого (Аллаха)' (Ахметзянов 1978 : 50).

БИГРА < м. а. *Бигер* (< удм. *бигер* 'татарин') + суф. -а, например, *Ида Исалгов сын Бигринов* (МП 1646 : 212), *Бигед Вася* (Демин, Архипов 1976 : 75).

БИЯ < м. а. *Бий* (< тюрк. *Бий* < *бий* 'князь') + суф. -а, например, *Бишка Асанов сын Сырчегов* (МП 1662 : 256), *Басеитко да Бишко Дзьюины дети Изеговы* (МП 1678 : 274).

БӨДЬЯ < м. а. *Бөдь-и* (< удм. *бөдьыны* 'говорить, болтать, пусто-словить') + суф. -а, например, *Быда Баушев сын Пыжин* (МП 1646 : 222), *Будка Бодин сын Баушев* (МП 1678 : 322).

БӨНЯ < м. а. *Бөнь-и* (<?) + суф. -а, например, *Бөни* (Верещагин 1998 : 19).

БУЛДА < I. м. а. *Булат* (< тюрк. *Bulat* < *bulat* 'сталь') + суф. -а, например, *Булат Кулин сын Юберев* (МП 1646 : 223), II. м. а. *Buldy* (< тюрк. *Buldy* < *buldy* 'стал, появился') + суф. -а, *Булатко Богданов* (МП 1678 : 298).

ВАМЬЯ (< **watja*) — представляется возможным сопоставить антропоним, от которого произошло название данного рода, с удмуртской основой *вамен* (диал. *waten*) 'поперечный, поперек'; *ваменэс* 'упрямый'. Праперм. **wɔt-* 'поперечный, поперечина' (КЭСК 62).

ВОРТЧА < м. а. *Вортт-ысь* (< удм. *ворттыны* 'возить' + суффикс имен действия -ысь) + суф. -а. Ср. *УЧА*.

Д(У~Ў~Ө~Ы)КЪЯ — в чередовании гласного первого слога можно видеть отражение в удмуртских диалектах тат. *ө* (Тараканов 1982 : 116). Возможно, в основе мужского антропонима, от которого образовалось название рода, был тюркский апеллатив со значением 'верблюд'. Ср. тат. *döjä* ? < тюрк. **dükz* (КЭСК 97).

ДУРГА < м. а. *Дур-эг* (< удм. *дурыны* 'ковать') + суф. -а, например, *Дургеика* (МП 1646 : 244) < *Дурэг* + удм. суф. -эй + рус. суф. -ка, *Дурек* (Герд 1928 : 19).

ЖИКЪЯ < м. а. *Жик-эй(-и)*. Можно предположить, что в основе имени лежит корень *жик* — ср. удм. *жик-жик* 'аккуратно; крепко', *жикыт* 'аккуратный, опрятный, чистый', *жиканы* 'туго затянуться (завязаться)'. Ср. *Джиканко Уракчиев сын Бакшандин* (МП 1678 : 324), *Дьжиканко Тухтаров сын Нурысов* (МП 1678 : 327).

ЖАНКА < м. а. *Жан-эг* (< тат. *жан* 'душа') + суф. -а, например, *Зяна Муиканов* (МС 1635 : 381), *Зянешко* (МП 1678 : 308) < *Жанэг* + рус. суф. -ко.

ЖЕЗЬЯ < I. м. а. *Жезей* (< удм. *жезей* 'малютка') + суф. -а; II. м. а. *Жезьы* ~ *Жезь-эй* (< удм. *жезьы* 'ворота') + суф. -а; III. м. а. *Жезь-эй(-и)* (< удм. *жезь* 'повод узды') + суф. -а, например, *Зезя Почин* (МП 1615 : 185), *Жезей* (Бушмакин 1970а : 270), *Жезей* (Борисов 1991 : 372).

КИБЪЯ < м. а. *Кибы* ~ *Киб-эй* (< удм. *кибы* 'жучок') + суф. -а, например, *Киба Люлин* (МП 1615 : 183), *Кибейко Чутин сын Елкузин* (МП 1646 : 214).

КОНЬГА < м. а. *Конь-эг* (< удм. *коньы* 'белка') + суф. -а, например, *Сенка Конегов* (МП 1615 : 186).

КӨТЪЯ < м. а. *Көт-эй(-ь)* (< удм. *көт* 'живот; толстяк') + суф. -а.

КУШЪЯ < м. а. *Куш-эй(-и)* (1. < стар. удм. *kiš 'голый') (ср. коми *куш* то же) < праперм. *kiš 'голый, обнаженный' (КЭСК 148); 2. < тюркский формант *хуш* 'приятный, хороший', участвующий в образовании сложных антропонимов типа *Хуш-килде*, *Хуш-бай* и т. п.) + суф. -а, например, *Кушка Годенов сын Юрышев* (МП 1646 : 218), *Кушеи* (МЛП 1716 : 245).

МОЖГА < м. а. *Мош-эг* (< стар. удм. *möš 'пчела' (КЭСК 169)) + суф. -а, например, *Мушка Мушегов*, *Васка Мошегов* (МП 1615 : 188).

НЫЛГА < I. м. а. *Ныл-эг* (< ж. а. *Ныл-эг* < удм. *ныл* 'девочка', например, *Ныл*, *Нылак* (МЛП 1716 : 267)) + суф. -а. Вероятно, это название удмуртского рода образовано от т. н. матронимического прозвища его родоначальника. Ср. образование русских матронимических фамилий (Унбегаун 1989 : 21); II. Отмеченная Б. Мункачи (Munkácsi 1952 : 514) форма с мягким *ń*, возможно, свидетельствует о происхождении названия рода от удм. м. а. *Ньыл-эг* (< удм. *ньылыны* 'глотать') + суф. -а.

ОМГА < м. а. *Омиг* (< тюрк. *Омиг* <?) + суф. -а, например, *Омигеико* (МП 1678 : 264—265) < *Омиг* + тюрк. суф. -эй + рус. суф. -ко.

ПЕЛЬГА < м. а. *Пель-эг* (1. < удм. *пелляны* 'дуть; нашептывать'; 2. < удм. *пель* 'ухо') + суф. -а, например, *Пелег Зянбеков*, *Пелег Бектемиров* (ОЗ 1670 : 95, 96).

ПОСКА < м. а. *Пос-эг* (< удм. *посыны* 'мять, дубить') + суф. -а, например, *Тещ Посеков сын* (МП 1615 : 214), *Исупко да Кизечко Посеговы дети Чузина* (МП 1646 : 242).

ПУДГА (< *podga) < I. м. а. *Под-эг* (возможно, удмуртский антропоним образован от ныне утраченной удмуртской глагольной основы **rod-* 'точить, источать (о червях)', сохранившейся в коми языке — *пудны*; в свою очередь, праперм. **rod-* или **ṛod-*, вероятно, восходит к иранскому апеллятиву со значением 'гнилой' (КЭСК 231)) + суф. -а, например, *Падег Максимов* (ОЗ 1670 : 96), *Падешко Худяков сын Покчимортов* (МП 1678 : 268); II. м. а. *Пот-эг* (< стар. удм. **pot-* 'расколоться' (КЭСК 226)) + суф. -а, например, *Потешко Изнегов* (МП 1615 : 183) < *Потэг* + рус. суф. -ко.

ПУПЪЯ < м. а. *Пуппы* (< удм. *пуппы* 'лутошка') + суф. -а. Согласно удмуртским преданиям, записанным Г. Е. Верещагиным, таково было прозвище Ожмега — родоначальника данного рода (1995 : 108; 1996 : 82).

ПУРГА (< *porga) < м. а. *Пор-эг* (вероятно, удмуртский антропоним образован от утраченной удмуртским языком прапермской глагольной основы **por-*, сохранившейся в коми-пермяцком языке — *порйӧтны* 'поздравить' (КЭСК 225)) + суф. -а, например, *Сергушка Подегов сын Гезегов* (МП 1646 : 226).

СУРМА < м. а. *Сурым* (< удм. *сурым* 'прясло; звено изгороди') + суф. -а. Согласно удмуртским преданиям, записанным Г. Е. Верещагиным, родоначальник рода *Пупья Ожмег* принадлежал к роду *Сурма* (1995 : 107).

СЬӖЛТА < м. а. *СьӖлыт* (< удм. *сьӖлыт* 'стренога, путы') + суф. -а.

ТУКЛЯ < м. а. *Тукулы* ~ *Тукул-эй(-ь)* (< тюрк. м. а. *Тукулы* букв. 'сын (потомок) человека по имени *Тук*' < *тук* 'сытый, упитанный') + суф. -а, например, *Тукул* (МЛП 1716 : 314).

ТУРЪЯ < I. м. а. *Тури* ~ *Тур-эй* (< удм. *тури* 'журавль') + суф. -а; II. м. а. *Тур-эй(-и)* (< удм. *тур* 'тетерев') + суф. -а, например, *Туреико Юшкетов* (МП 1662 : 247), *Тури* (Герд 1928 : 21).

УДЪЯ < I. м. а. *Уд-ь* (< удм. *удыны* 'напоить') + суф. -а; II. м. а. *Уд-эй(-ь)* (< удм. *уд* 'росток') + суф. -а, например, *Удеико Чури* (МП 1646 : 235), *Уди* (Герд 1928 : 21).

УЧА < м. а. *Уть-ись* (< удм. *утьыны* 'хранить; защищать' + суффикс имен действия -ись) + суф. -а. Ср. антропонимы *Бердычко* < удм. *Бёрдьсь* < *бёрдьсь* 'плачущий', *Ветиско* < удм. *Витись* < *витись* 'ожидающий' и т. д.

ЧАБЪЯ < I. м. а. *Чабей* (< удм. *чабей* 'пшеница') + суф. -а, например, *Чабей* (МЛП 1716 : 338); II. м. а. *Чабы-й* (< удм. *чабы* 'тын, изгородь', ср. *СУРМА*) + суф. -а, например, *Чабыи* (МЛП 1716 : 339).

ЧИПЪЯ < I. м. а. *Чипы* ~ *Чип-эй* (< удм. *чипы* 'цыпленок') + суф. -а; II. м. а. *Чипей* (< удм. *чипей* 'щука') + суф. -а, например, *Чипей* (Атаманов 1990 : 344).

ЧУДНА < м. а. *Чудын* (< русское отэтнонимичное прозвище *Чудь* + суф. -ин букв. 'сын (потомок) человека по имени *Чудь*') + суф. -а, например, *Зянбахтачка Чюдин сын Шудегов* (МП 1678 : 321), *Чудын* (Верещагин 1998 : 96, 97).

ШУДЪЯ < м. а. *Шуд-эй(-ь)* (< удм. *шуд* 'счастье') + суф. -а, например, *Шудеико Сабанбеев* (МП 1646 : 215).

ЭГРА < м. а. *Эгыр* (< удм. *эгыр* 'уголь') + суф. -а.

ЮБЕРА < м. а. *Юбер* (< удм. *юбер* 'скворец') + суф. -а, например, *Юберь Бактамышев* (МП 1615 : 184), *Юберко Чужеков* (МП 1615 : 184).

ЮМЪЯ < м. а. *Юмы* ~ *Юм-эй* (< удм. *юмы* 'овод') + суф. -а, например, *Дзюмеика Бекбулатов сын Зеналеев* (МП 1662 : 248). Возможно, в некоторых южноудмуртских говорах, из которых северными удмуртами могло быть заимствовано имя *Дзюмей*, к указанному времени уже состоялся звукопереход *j*- > *d'ž*-. Впрочем, не исключено, что основа антропонима *Дзюмей* не связана с апеллятивом *юмы*.

ЯТЧА < м. а. *Ядыч* (< удм. *яды* 'силач, богатырь') + суф. -ч + суф. -а, например, *Ядычко Едегаров сын Зуин* (МП 1646 : 226), *Ядычко Тухбулатов сын Тухтамышев* (МП 1662 : 260).

Сокращения

араб. — арабский, **ж. а.** — женский антропоним, **м. а.** — мужской антропоним.

ГСУЯ — Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, Ижевск 1962; **КРК** — Коми-роч кывчукд, Сыктывкар 2000; **МП** — материалы переписи 1615, 1646, 1662, 1678 гг., **МС** — материалы сыска 1635 г., **ОЗ** — одиночная запись 1670 г. Соответствующие данные приведены по: Документы по истории Удмуртии XV—XVII веков, сост. П. Н. Луппов, Ижевск 1958 (№ 20, 51, 59, 60, 61, 93); **МЛП** — материалы ландратской переписи 1716 г. (в ссылках указаны страницы книги: М. Г. А т а м а н о в, Словарь личных имен удмуртов, Ижевск 1990); **Сорокин** — П. М. С о р о к и н, О материнстве как основе рода, о родовых названиях и знаках собственности у вотяков (с изображением знаков собственности в тексте и отдельной таблицей), Вятка 1895 (Архив Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, рф., оп. 2-н, д. № 668); **Худяков I** — М. Г. Х у д я к о в, Названия удмуртских родов..., Ленинград, не ранее 1930 г. (Рукописный отдел Российской национальной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 828, д. 1, 5); **Худяков II** — М. Г. Х у

дяков, Программа для собирания материалов по родовому быту удмуртов во время научной поездки в Ижевский уезд летом 1930 г., Ленинград 1930 (там же, д. 1, 12).

Л И Т Е Р А Т У Р А

- А т а м а н о в М. Г. 1974, Экспедицилэн сюресьёсыз. — Молот, № 11, 45—47.
— 1977, Этимологии некоторых воршудно-родовых имен удмуртов. — СФУ XIII, 25—30.
— 1978, Этнонимы удмуртов в топонимии. Автореф. канд. дисс., Тарту.
— 1980, Микроэтнонимы удмуртов. — Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии, Ижевск, 3—66.
— 1990, Словарь личных имен удмуртов, Ижевск.
— 2001, По следам удмуртских воршудов, Ижевск.
- А р х и п о в Г. А. 1969, Удмуртские этнонимы. — Ономастика Поволжья, Ульяновск, 239—243.
- Б л и н о в Н. Н. 1898, Языческий культ вотяков, Вятка.
- Б о г а е в с к и й П. М. 1888, Очерк быта Сарапульских вотяков. — Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее, вып. 3, Москва, 14—64.
— 1890, Очерки религиозных представлений вотяков. — Этнографическое обозрение, кн. 4, № 1, 116—163; кн. 5, № 2, 77—109; кн. 7, № 4, 42—70.
- Б о р и с о в Т. К. 1991, Вашкала удмурт нимьёс. — Удмурт кыллюкам, Ижевск, 371—376.
- Б у ш м а к и н С. К. 1969, Воршудные имена и удмуртская топонимия. — Ономастика Поволжья, Ульяновск, 166—176.
— 1970, Воршудные имена — микроэтнонимы удмуртов. — Этнонимы, Москва, 168—176.
— 1970а, Лексико-семантический анализ древнеудмуртских антропонимов. — Антропонимика, Москва, 267—276.
- В а с и л ь е в И. В. 1917, Языческие имена вотяков. — Известия общества изучения Прикамского края, вып. 1, Сарапул, 27—28, 73—75.
- В е р е щ а г и н Г. Е. 1995, Собрание сочинений, т. 1, Ижевск.
— 1996, Собрание сочинений, т. 2, Ижевск.
— 1998, Собрание сочинений, т. 3, кн. 1, Ижевск.
- В л а д ы к и н В. Е. 1994, Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов, Ижевск.
- Г а в р и л о в Б. Г. 1880, Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний, Казань.
- Г е р д К. П. 1928, Вашкала удмурт нимьёс. — Кенеш, № 17, 17—22.
- Д е м и н А. П., А р х и п о в Г. А. 1976, Составные антропонимы удмуртов дер. Большой Унтем. — Ономастика Поволжья, вып. 4, Саранск, 74—76.
- З е л е н и н Д. К. 1980, Что такое воршуд? — Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии, Ижевск, 118—132.
- К р и в о щ е к о в а - Г а н т м а н А. С. 1976, Фамилии от имен на -ог, -ег. — Ономастика Поволжья, вып. 4, Саранск, 91—94.
- М а к с и м о в А. Н. 1997, Избранные труды, Москва.
- М а к с и м о в В. А. 1925, Вотяки. Краткий историко-этнографический очерк, Ижевск.
- М и л л е р Г. Ф. 1756, Описание трех языческих народов в Казанской губернии, а именно: черемисов, чувашей и вотяков. — Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие, Июль, Санкт-Петербург.
- П е р в у х и н Н. Г. 1888, Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз I. Древняя религия вотяков по ее следам в современных преданиях, Вятка.
- П о т а н и н Г. Н. 1884, У вотяков Елабужского уезда. — Известия Общества археологии, истории и этнографии, т. 3, Казань, 189—259.
- С е р е б р е н н и к о в Б. А. 1963, Историческая морфология пермских языков, Москва.
- С м и р н о в И. Н. 1890, Вотяки, Казань.

- Т а р а к а н о в И. В. 1982, Заимствованная лексика в удмуртском языке. Удмуртско-тюркские языковые контакты, Ижевск.
- Т е п л я ш и н а Т. И. 1978, Антропонимические модели пермских языков, Москва.
- У н б е г а у н Б. О. 1989, Русские фамилии, Москва.
- Х у д я к о в М. Г. 1917, Древности Малмыжского уезда. — Труды Вятской ученой архивной комиссии, вып. 1—2, отд. III, Вятка, 1—59.
- 1920, Вотские родовые деления. — Известия Общества археологии, истории и этнографии, т. XXX, вып. 3, Казань, 339—354; т. XXXI, вып. 1, Казань, 1—18.
- Ч у р а к о в В. С. 2001, Южные удмурты в X — середине XVI века (проблемы социально-политической истории). Рукопись канд. дисс., Ижевск.
- 2003, Критика воршудной теории. — Финно-угроведение, № 2, Йошкар-Ола, 3—18.
- B u s h M. 1882, Die Wotjäken. Eine ethnologische Studie, Helsingfors.
- M u n k á s i B. 1952, Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken, Helsinki (MSFOu 102).

V. S. ČURAKOV (Iževsk)

THE ORIGIN OF THE NAMES OF THE UDMURT CLANS

A hypothesis according to which the names of the Udmurt "matriarchal" (sic!) clans (*воршуд*) go back to the names of their totems is based on incorrect interpretation of the ethnographic sources. One of the main mistakes of so-called *voršud theory* is the replacement the term *выжы* 'clan' by the term *воршуд*. Actually the *воршуд* or *шудвордьсь* is a sacred patron of the patrilineal clan *выжы*. Consequently, the term *voršud name* can not be used in meaning 'clan name'. The members of the *выжы* thought themselves as descended from a common male ancestor whose name was used by them as a clan nickname. In other words, the author of present article regards that the names of the old Udmurt clans were formed in accordance with the following anthroponimic model: the name of male ancestor + the old Permic suffix of collective plural *-a*, which had the same function as, for example, the German *-ing/-ung* (like in *Karoling*) or the Slav *-ичи/-овичи* (like in *Рюриковичи*). Instances: *Бия* < *Бий* 'Prince' + *-a*, *Дурга* < *Дурэг* 'Smith' + *-a*, *Юбера* < *Юбер* 'Starling' + *-a*, *Шудья* < *Шудэй* 'Happy' + *-a*, etc.